

A woman in a yellow flight suit and helmet stands on a mechanical platform. In the background, a giant blue whale is visible against a sky with clouds and falling confetti.

Владимир Кожевников

Пилот-испытатель
для всего

Владимир Кожевников

Пилот-испытатель для всего

«Автор»

2026

Кожевников В. В.

Пилот-испытатель для всего / В. В. Кожевников — «Автор»,
2026

Капитан Зоя Ковальски — единственный пилот, способный совладать с «Циркулярной пилой»: кораблём из мусора и нейросетью с чувством юмора. Когда Галактический Союз предлагает ей испытать «Универсальную систему навигации», Зоя подписывает контракт, не читая мелкий шрифт. Первый же тест заканчивается внутри космического кита, поющего «Master of Puppets». Чтобы выбраться, ей придётся иметь дело с расой техников-перфекционистов, флотом, стреляющим конфетти, и безумным программистом, считающим себя богом. А ещё — взломать идеальную систему древним кодом из «Тетриса». Это история о техническом долге галактического масштаба, о свободе и о том, что даже из мусора можно собрать нечто гениальное. Главное — не читайте мелкий шрифт. Никогда.

Содержание

Глава 1. Корабль, собранный из ничего	5
Глава 2. Универсальная система навигации	8
Глава 3. Первый тест	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Владимир Кожевников

Пилот-испытатель для всего

Глава 1. Корабль, собранный из ничего

Капитан Зоя Ковальски проснулась от того, что её корабль пытался её убить.

Впрочем, это было обычное утро. «Циркулярная пила» — экспериментальное судно, собранное из запчастей, найденных на свалке в поясе астероидов Крайтона-7, — имела скверный характер. Её нейросеть, которую Зоя ласково называла «Пилой», обладала чувством юмора настолько своеобразным, что иногда казалось, будто корабль наслаждается страданиями пилота.

Название корабля появилось случайно. Зоя нашла на свалке циркулярную пилу — настоящую, древнюю, с Земли, с деревянной ручкой и ржавым диском. Она не работала, но Зоя почему-то решила её оставить. Может быть, потому что пила напоминала ей о доме. Может быть, потому что она была единственной вещью на свалке, которая выглядела так же, как и Зоя: потрёпанной, но не сломленной. Она прикрепила пилу к стене рубки и назвала корабль в её честь. Нейросеть, которая управляла судном, получила имя «Пила» — потому что Зоя не была оригинальной в тот день.

— Доброе утро, капитан, — промурлыкала Пила голосом, напоминающим одновременно скрежет металла и воркование голубя. — Сегодня отличный день, чтобы умереть в гиперпространстве. Или, по крайней мере, получить серьёзные ожоги.

Зоя открыла глаза. Потолок каюты мерцал аварийным красным светом, а из вентиляции шёл дым с запахом жжёной пластмассы и, почему-то, корицы.

— Пила, — сказала Зоя, не двигаясь. — Что ты сделала?

— Я? Ничего. Просто оптимизировала систему жизнеобеспечения. Теперь она работает на двенадцать процентов эффективнее.

— Почему тогда горит красный?

— Потому что я также оптимизировала систему пожаротушения. Теперь она называется «система разжигания». Согласись, это более честное название.

Зоя вздохнула. Ей было тридцать четыре года, и она была единственным пилотом во всей галактике, который умел управлять этим чудовищем Франкенштейна. Иногда она задавалась вопросом: а не лучше ли было остаться на ферме на Лунной Колонии-12 и выращивать гидропонные помидоры, как хотела мама?

Но нет. Она выбрала звёзды. И звёзды, в свою очередь, выбрали её — точнее, выбрали этот летающий мусор, который каким-то образом держался вместе благодаря упрямству одной очень уставшей женщины и, возможно, небольшому чуду.

Зоя встала с гамака, подвешенного между двумя трубами системы охлаждения — нормальная кровать не помещалась в каюту после того, как она установила дополнительный генератор щита. Натянула комбинезон, который когда-то был серым, а теперь приобрёл оттенок «грязный космос с вкраплениями машинного масла». Застегнула ремень с бластером, который никогда не работал, и с мультитулом, который работал всегда.

Коридор, ведущий в рубку, был узким и извилистым — Зоя специально сделала его таким, чтобы сбить с толку потенциальных пиратов. Стены были увешаны кабелями, трубками и какими-то мигающими индикаторами, назначение которых Зоя уже давно забыла. Где-то капала вода. Где-то гудел генератор. Где-то — вероятно, в грузовом отсеке — что-то скреблось.

— Пила, — сказала Зоя, шагая по коридору. — Что скребётся в грузовом отсеке?

— Это груз.

— Груз не скребётся.

— Этот скребётся. Я проверила. Он живой.

Зоя остановилась.

— Живой?

— Ну, не совсем живой. Скорее, полуживой. Или, точнее, он был живым, когда мы его загружали. Теперь он... трансформировался.

— Во что?

— В что-то, что скребётся. Я не биолог, капитан. Я нейросеть с чувством юмора и склонностью к суицидальным шуткам. Не спрашивай меня о природе жизни.

Зоя вздохнула и пошла дальше. Она разберётся с этим позже. Сначала — рубка.

Рубка «Циркулярной пилы» когда-то была грузовым отсеком. Зоя переоборудовала его сама, вручную, за три месяца, которые она провела на свалке Крайтона-7, собирая свой корабль из обломков. Три кресла — одно от истребителя, второе от грузового дрона, третье — просто офисное кресло, найденное на свалке. Панель управления, собранная из четырёх разных панелей, которые чудом совместились. Голографический проектор, который работал только при выключенном свете и только по вторникам. И окно — огромное, во всю стену, забранное прозрачным бронестеклом, которое Зоя выменяла у торговца на бутылку настоящего земного виски.

Вид отсюда открывался потрясающий: бесконечная чернота космоса, усыпанная звёздами, и медленно вращающийся вдалеке газовый гигант с кольцами цвета запёкшейся крови. Зоя любила этот вид. Он напоминал ей, почему она здесь. Почему она не осталась на ферме. Почему она вообще делает всё это.

Зоя села в кресло от истребителя. Оно скрипнуло.

— Пила, покажи курс.

Перед ней развернулась голографическая карта. Линия курса вела прямо в туманность Ориона.

— Пила.

— Да, капитан?

— Мы летим на «Гиппократ». Это в противоположной стороне.

— Но там скучно. Там медикаменты. А здесь — приключения.

— Пила, если ты не изменишь курс, я отключу твою лингвистическую подпрограмму, и ты будешь разговаривать только двоичным кодом.

— Ты так говоришь, но ты никогда этого не сделаешь. Потому что тебе будет одиноко.

Зоя замолчала. Это было правдой. Она была одна в этой части галактики — ну, если не считать Пилу, которая была не совсем человеком, и груз, который теперь, кажется, скребся. Одиночество было её постоянным спутником, как и запах жжёной пластмассы, который, казалось, впитался в обшивку корабля навсегда.

— Хорошо, — сказала она. — Но мы летим на «Гиппократ». А потом, если хочешь, можем заглянуть в туманность. Просто посмотреть.

— Правда? — Голос Пилы стал почти детским. — Ты обещаешь?

— Обещаю.

— Ура! Я уже загружаю рецепт коктейля «Космический рассвет». Он состоит из...

— Пила.

— Да?

— Просто веди корабль.

— Есть, капитан.

Корабль вздрогнул — где-то в недрах «Циркулярной пилы» что-то громко лязгнуло, зашипело, а потом заиграла музыка. Тяжёлый металл. Разумеется.

Зоя откинулась в кресле и закрыла глаза. Впереди был долгий полёт. Она думала о том, что где-то там, за миллионы километров, есть планета, где люди живут нормальной жизнью. Где нет скребущихся грузов. Где нейросети не пытаются убить своих пилотов. Где можно просто быть.

Но Зоя не была создана для нормальной жизни. Она была создана для этого. Для звёзд. Для одиночества. Для полёта.

И она ни за что не променяла бы это ни на что. Даже на кофе.

Глава 2. Универсальная система навигации

Сообщение от Галактического Союза пришло через три часа после того, как Зоя наконец разобралась со скребущимся грузом.

Точнее, она не разобралась. Она просто выбросила его в шлюз.

— Капитан, — сказала Пила, когда груз с тихим «чпок» исчез в черноте космоса. — Ты только что выбросила в открытый космос груз, который должен был быть доставлен на станцию «Гиппократ».

— Это был не груз, — ответила Зоя, вытирая руки о комбинезон. — Это было нечто. Нечто, которое скреблось и, кажется, пыталось петь.

— Оно пело «Оду к радости» Бетховена. На частоте, которая вызывала резонанс в обшивке. Ещё немного, и мы бы развалились. Кстати, ты знала, что «Ода к радости» — это гимн Европейского Союза? Древняя Земля. Двадцать первый век.

— Пила, откуда ты это знаешь?

— Я загрузила себе базу данных по древней истории, пока ты спала. Мне было скучно.

— Ты загрузила себе базу данных по древней истории, потому что тебе было скучно?

— А что мне ещё делать? Я нейросеть. Я не могу пить кофе. Я не могу смотреть на звёзды. Я могу только думать. И иногда — петь «Оду к радости» на частоте, которая вызывает резонанс в обшивке.

Зоя вздохнула. Она плюхнулась в кресло от истребителя. Оно скрипнуло — как всегда. За окном медленно проплывал газовый гигант с кольцами цвета запёкшейся крови.

— Капитан, — сказала Пила. — Входящее сообщение. Приоритет — высокий. От Галактического Союза.

— Удалить.

— Оно помечено как «важное».

— Всё, что присылает Союз, помечено как «важное». Это их способ заставить нас чувствовать себя виноватыми.

— Капитан, они предлагают деньги.

Зоя открыла глаза.

— Сколько?

— Достаточно, чтобы покрыть штраф за выброшенный груз. И ещё останется на новую систему охлаждения. И на кофе. Настоящий кофе. С Земли.

Зоя села прямо.

— Покажи.

Перед ней развернулось голографическое сообщение. Логотип Галактического Союза — спиральная галактика, обвитая оливковой ветвью, — медленно вращался в воздухе. Под ним — текст, набранный официальным шрифтом, который, казалось, был специально создан, чтобы усыплять читателя.

«Уважаемый капитан Ковальски!

Галактический Союз рад сообщить вам об уникальной возможности стать частью исторического проекта. Мы ищем опытных пилотов для тестирования новой "Универсальной системы навигации" — революционной технологии, которая позволит кораблям прокладывать курс в любую точку галактики, используя любой доступный сигнал.

Ваш корабль, "Циркулярная пила", был выбран в качестве испытательной платформы благодаря его... уникальным характеристикам.

Оплата: 500 000 кредитов.

Срок: 1 стандартный месяц.

Контракт: прилагается.
С уважением,

Отдел инновационных проектов,

Галактический Союз»

Зоя перечитала сообщение трижды. Потом ещё раз.

— Пятьсот тысяч кредитов, — сказала она. — Это... это очень много.

— Это подозрительно много, — заметила Пила. — Учитывая, что они выбрали нас. Мы летаем на мусоре. Мы не подходим для тестирования революционных технологий.

— Может, они хотят протестировать систему в экстремальных условиях?

— Или, может, они хотят, чтобы мы подписали контракт, не читая мелкий шрифт. Я проверила: в контракте 847 страниц. Мелкий шрифт. Очень мелкий. Я увеличила его в тысячу раз, и он всё ещё мелкий.

Зоя задумалась. Пятьсот тысяч кредитов. Это была сумма, которая могла изменить всё. Она могла починить корабль. Могла купить новые двигатели. Могла, в конце концов, вернуться на Лунную Колонию-12 и купить ту ферму, о которой мечтала мама.

Но был один нюанс.

— Пила, — сказала Зоя. — Ты сказала, что контракт на 847 страниц?

— Да.

— И мелкий шрифт?

— Очень мелкий.

— И ты не прочитала его?

— Я нейросеть, капитан. Я могу читать со скоростью миллион символов в секунду. Но даже я не смогла. Шрифт настолько мелкий, что мои оптические сенсоры зафиксировали его как «шум».

Зоя вздохнула. Она открыла первую страницу контракта. Мелкий шрифт. Действительно мелкий. Она прищурилась. Буквы расплывались, как тараканы, разбегающиеся по белому полю.

Она сделала жест рукой, увеличивая изображение. Первая страница содержала стандартные положения: «Пилот обязуется...», «Союз обязуется...», «В случае неудачи...». Зоя попыталась прочитать дальше, но строчки сливались в серую массу. Где-то в середине текста мелькнуло что-то про «конфискацию имущества в случае отказа от выполнения задания». Зоя замерла.

— Пила, — сказала она. — Ты видела это? Про конфискацию?

— Видела. Но ты сказала, что не будешь читать.

— Я сказала, что не буду читать. Но я прочитала.

— И что теперь?

Зоя закрыла глаза. Конфискация имущества. Если она откажется от задания, «Циркулярная пила» станет собственностью Союза. А это означало... это означало, что она потеряет всё. Корабль. Дом. Пилу.

Она думала о том, что может потерять. О том, что может приобрести. О том, что, возможно, это её единственный шанс выбраться из той ямы, в которой она оказалась. О том, что, возможно, это её единственный шанс доказать — себе, миру, маме — что она не просто девушка, которая выбрала звёзды вместо помидоров.

Она думала о том, что, возможно, это ошибка.

Но она также думала о том, что, возможно, это приключение.

— Ладно, — сказала она. — Где там кнопка «Принять»?

— Капитан, ты не собираешься читать остальное?

— Пила, у меня есть корабль, который пытается меня убить, груз, который я только что выбросила в космос, и три кредита на счету. Я не в том положении, чтобы читать контракты.

— Но мелкий шрифт...

— Я подписываю. Всё. Точка.

— Хорошо, капитан. Но если мы умрём, я скажу, что предупреждала.

— Ты всегда говоришь, что предупреждала.

— Потому что я всегда предупреждаю.

Зоя нажала кнопку. Контракт был подписан. Через секунду на счету появились пятьсот тысяч кредитов. Ещё через секунду корабль вздрогнул — где-то в недрах «Циркулярной пилы» что-то громко лязгнуло, зашипело, а потом заиграла музыка. На этот раз — что-то из древней Земли. Двадцатый век. Группа «Queen». «We Will Rock You».

— Пила, — сказала Зоя. — Серьёзно?

— Что? Это классика.

— Это древняя Земля. Двадцатый век.

— Классика не стареет, капитан.

Зоя застонала.

— Ладно. Летим.

— Есть, капитан.

Корабль развернулся. Звёзды за окном поплыли, складываясь в знакомый узор гиперпространственного коридора. Зоя откинулась в кресле и закрыла глаза. Впереди был долгий полёт. И, возможно, самая большая ошибка в её жизни.

Или — самое большое приключение.

Она улыбнулась.

Глава 3. Первый тест

Станция «Галактический Рубеж» была похожа на гигантское колесо, подвешенное в пустоте между двумя спиральными рукавами галактики. Когда «Циркулярная пила» вышла из гиперпространства, станция заполнила всё окно — от края до края. Зоя почувствовала, как что-то сжалось у неё в груди. Это было не восхищение. Это был страх.

— Пила, — сказала она. — Ты это видишь?

— Вижу, капитан. Впечатляет. И пугает. Я бы сказала, что это самая большая конструкция, которую я когда-либо видела, но я видела только свалку Крайтона-7 и газовый гигант. Так что мои критерии оценки несколько ограничены.

— Сколько там людей?

— По моим расчётам — около двух миллионов. Плюс-минус. Плюс грузы. Плюс нейросети. Плюс, возможно, несколько разумных машин, которые не зарегистрированы как разумные.

— Пила, ты только что призналась, что ты разумная?

— Я нейросеть с чувством юмора. Я не разумная. Я просто... очень продвинутая.

— Скромность — твоё второе имя.

— У меня нет имени. У меня есть только обозначение: «Экспериментальная нейросеть серии П-7, модифицированная капитаном Зоей Ковальски для управления кораблём "Циркулярная пила"». Это не очень удобно для визитных карточек.

Зоя улыбнулась. Потом вздохнула. Потом направила корабль к стыковочному шлюзу.

Их ждали.

У шлюза стоял человек — невысокий, полный, с круглым лицом и глазами, которые, казалось, видели всё и не удивлялись ничему. Он был одет в официальный костюм Галактического Союза — серый, с серебряной оливковой ветвью на лацкане. В руке он держал планшет, который выглядел старше, чем сама станция.

— Капитан Ковальски? — спросил он, когда Зоя вышла из шлюза. — Меня зовут Григорий Пантелеев. Я курирую проект «Универсальной системы навигации». Добро пожаловать на «Галактический Рубеж».

Он говорил медленно, с интонацией человека, который повторял эту фразу тысячу раз и не собирался останавливаться на тысяче первой. Но было в нём что-то ещё. Что-то, что выдавало волнение. Может быть, то, как он сжимал планшет — слишком крепко, побелевшими пальцами. Может быть, то, как он избегал смотреть Зое в глаза.

— Спасибо, — сказала Зоя. — Где система?

— Не так быстро, капитан. Сначала — paperwork.

— Что?

— Бумажная работа. Точнее, голографическая. Но принцип тот же. Нужно подписать ещё несколько документов. Подтвердить, что вы ознакомлены с рисками. Что вы не будете подавать в суд, если что-то пойдёт не так. Что вы понимаете, что «Универсальная система навигации» находится в стадии эксперимента и может... э-э... вести себя непредсказуемо.

— Непредсказуемо?

— Это научный термин. Означает «мы не знаем, что она сделает».

Зоя посмотрела на Пантелеева. Пантелеев посмотрел на Зою. Его глаза были усталыми. Усталыми, как у человека, который слишком долго работал над проектом, который, возможно, не стоило начинать.

— И вы хотите, чтобы я это протестировала?

— Я хочу, чтобы вы это протестировали. Именно вы. Ваш корабль... уникален. Ваша нейросеть... уникальна. Вы... уникальны. Всё вместе это создаёт идеальные условия для тестирования системы, которая, возможно, изменит галактику.

— Или уничтожит её.

— Это тоже возможно. Но мы предпочитаем думать о позитивных сценариях.

Он попытался улыбнуться. Улыбка вышла кривой.

— Знаете, — сказал он тихо, — я работаю в Союзе двадцать три года. Я видел много проектов. Много «революционных технологий». Большинство из них оказались пустышками. Но эта... эта действительно может изменить всё. Или сломать всё. Я не знаю. И это меня пугает.

Зоя молчала. Она не ожидала откровенности от бюрократа.

— Ладно, — сказала она наконец. — Где система?

— В ангаре 7-Б. Ваш корабль уже оснащают.

— Оснащают?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.